

Отец Юэгуй никак не ожидал такого ответа и не знал, что делать, широко раскрыв глаза и глядя на Юй Чжаньнаня. Через несколько секунд он резко опустил голову, ударившись лбом о пол с глухим стуком, и начал умолять:

— Командир, пощадите, пощадите...

Он думал, раз тот посмотрел на его дочь, значит, можно рискнуть, но...

Юй Чжаньнань молчал, слушая, как тот стучит лбом о пол, и смотрел прямо на Шао Синтана, словно ожидая, что тот что-то сделает...

Шао Синтан смотрел на пару на полу, его сердце сжималось от жалости, но он не понимал, что хочет Юй Чжаньнань. Боясь сказать что-то не то и тем самым навредить Юэгуй, он сдерживал себя, стараясь успокоиться и найти решение.

Прошло три-четыре минуты, кровь на лбу отца Юэгуй уже пропитала пол. Шао Синтан был вне себя от беспокойства, но ничего не мог сделать. Он уже хотел броситься просить за них, как вдруг услышал, как Юй Чжаньнань, с лёгкой ноткой удовольствия в голосе, сказал:

— Ладно, если не хотите, убирайтесь, и чтобы я вас больше не видел.

Это значит, всё кончено?

Юй Чжаньнань так легко отпустил их, и Шао Синтан чувствовал себя странно счастливым.

Он не знал, что если бы за эти три-четыре минуты он попытался за них заступиться, Юй Чжаньнань без колебаний бросил бы Юэгуй своим солдатам, как голодным волкам.

Юй Чжаньнань легко подошёл к Шао Синтану, взял его за руку и, прижавшись к его уху, самым мягким голосом, на который был способен, сказал:

— Ты пел так прекрасно... Так красиво...

Отец Юэгуй, полный благодарности, поднял дочь и потащил её к выходу. В этот момент Юэгуй, молчавшая всё это время, вдруг обернулась и посмотрела в сторону Шао Синтана, увидев, как те двое стоят в тесной близости. Её ясные и светлые глаза были полны никогда не виданной ранее печали...

Юй Чжаньнань, держа Шао Синтана за руку, шёл к выходу, смеясь:

— Ты так долго не был, мой сын по тебе скучает, всё время о тебе говорит...

Никто не упомянул о недавнем недоразумении между ними, и Шао Синтан покорно сел с ним в машину.

Янь Лян почтительно открыл дверь, думая: «Неужели это действительно ваш сын по нему скучал?»

В этом мире всегда так: кто-то радуется, а кто-то разочаровывается. Кто-то получает, а кто-то теряет...

Ночь была в самом разгаре, представление шло на пике, и никто внутри не знал, что за дверью кто-то стоял, уходя в темноту...

Наконец узнав, что сегодня вечером будет опера с участием Шао Синтана, самый любимый младший сын семьи Цинь, Цинь Юэжун, три дня играл в го с дедом, чтобы выпросить у него расписную вазу династии Цин.

В этот день Цинь Юэжун долго вертелся перед зеркалом. Снял только что надетый новый серебристый фрак, привезённый из-за границы, и натянул популярный в стране узорчатый свитер. Потом решил, что это не достаточно формально... Менял одежду раз семь-восемь. Волосы зафиксировал гелем...

В конце концов, с досадой подумал, что даже если он оденется лучше всех, это не сравнится с тем, как выглядит Шао Синтан в самой обычной одежде.

Новый расторопный слуга сидел сзади, держа в руках тщательно упакованную расписную вазу династии Цин. Цинь Юэжун, только думая о том, что сегодня вечером увидит того самого человека, не мог сдержать радости. Но тут же почувствовал грусть, потому что тот, казалось, не слишком его любил, а сам он, стоило оказаться рядом, начинал совершать ошибки, совершенно не похожий на себя...

Он выбрал вазу деда, потому что её стоимость была ближе всего к разбитому синему фарфору Шао Синтана. Цинь Юэжун не хотел, чтобы деньги снова стали причиной разногласий между ними, не хотел давать ему повод держаться подальше...

Цинь Юэжун думал, что сядет в укромном уголке, тайком посмотрит, как тот поёт, а потом преподнесёт сюрприз...

Когда машина Цинь Юэжуна остановилась у входа в театр «Красные чернила», солдат подошёл и постучал в окно, сообщив, что сегодня вечером здесь частное мероприятие.

Цинь Юэжун вышел из машины, чувствуя раздражение. Он спросил солдата, кто сегодня выступает, но тот лишь покачал головой, сказав, что не знает.

Частные мероприятия случаются редко, ведь даже если у кого-то есть деньги, заставить актёров петь только для одного человека обычно не приводит к хорошему результату, и зритель не получает удовольствия.

Цинь Юэжун, услышав о недавнем инциденте с Ямагути Хидэтой, начал беспокоиться, не зная, не Шао Синтан ли сегодня выступает, и хотел найти кого-то, кто бы знал. Но солдаты, к которым он обращался, ничего не говорили, явно не желая делиться информацией. Маленький господин Цинь, не привыкший к такому обращению, схватил одного из солдат за воротник и уже собирался взорваться, как вдруг услышал знакомый голос:

— Господин Жун!

Цинь Юэжун обернулся и увидел адъютанта Юй Чжаньняня, Янь Ляна, стоящего на ступеньках. Всё сразу стало ясно, и он почувствовал невыносимую горечь. Чувство, которое он никогда раньше не испытывал, внезапно охватило этого юношу, никогда не знавшего печали...

— Господин Жун пришёл послушать оперу? — Янь Лян спустился с ступенек и подошёл к Цинь Юэжуну, улыбаясь:

— Наш командир сегодня арендовал весь зал, я могу доложить ему.

— Не нужно! — Цинь Юэжун схватил Янь Ляна, который уже собирался войти, и с натянутой

улыбкой сказал:

— Я просто проходил мимо... Собираюсь домой, не буду мешать Нань-гэ, передайте ему...

Янь Лян смотрел, как фигура Цинь Юэжуна постепенно исчезает в ночи, его глаза были полны глубины. В сердце было странное чувство, он думал: «Такой господин, как он, не может получить то, что хочет, а я ещё о чём-то мечтаю...»

По дороге домой Цинь Юэжун молчал, ночь была тёмной, и в её тенях его лицо казалось особенно искажённым. Он сидел, как каменная статуя, глаза неподвижно смотрели в окно, словно мёртвые...

Слуга, никогда не видевший своего господина в таком состоянии, был напуган, с трудом держа в руках расписную вазу династии Цин. Когда Цинь Юэжун направился прямо в свою комнату, он тихо спросил:

— Господин, вазу оставить дома?

Под «домом» слуга имел в виду особняк, который Цинь Юэжун снимал сам, купленный для него родственниками после возвращения из-за границы. Но так как мать Цинь Юэжуна скучала по сыну, а его старшие братья уже были женаты и жили отдельно, она настаивала, чтобы он не жил вне главного дома. Цинь Юэжун, хоть и был своенравным, был редким примером почтительного сына, особенно уважавшего свою мать, поэтому слушался и жил в этом особняке только в особых случаях.

Сегодня, казалось, был именно такой случай, и Цинь Юэжун явно был в очень плохом настроении. Он стоял у основания винтовой лестницы, поставил ногу на первую ступеньку и, услышав слова слуги, обернулся, его голос был лишён эмоций:

— Дай сюда.

Слуга, думая, что он хочет поставить вазу в свою комнату, аккуратно передал её...

Раздался громкий хлопок, и расписная ваза династии Цин разбилась о холодный чёрный мраморный пол...

Все слуги, занятые своими делами, замерли, не смея дышать...

Слуга, поражённый внезапным поступком, с ужасом смотрел, как его господин, взяв вазу из его рук, швырнул её на пол. Это была одна из любимых антикварных вещей старого господина Цинь, которую Цинь Юэжун с таким трудом выпросил... Как же так...

Осколки фарфора разлетелись по полу, и Цинь Юэжун, словно наконец выпустив пар, с мрачным лицом приказал:

— Уберите это, чтобы я больше не видел. — Затем он шагнул на второй этаж.

Бросившись на мягкую двуспальную кровать в европейском стиле, Цинь Юэжун лёг, раскинув руки и ноги, и крепко закрыл глаза.

В тот момент, когда он швырнул вазу, в которой хранились его тайные чувства, он наконец выпустил злость, которая душила его, которую он не мог ни выплеснуть, ни проглотить.

Всего лишь жалкий актёр, мне всё равно! Если не могу получить, пусть больше не появляется

передо мной...

Цинь Юэжун переходил от гнева к безразличию, а затем к печали... Вспоминая каждое движение, каждую улыбку Шао Синтана, которые теперь принадлежали Юй Чжаньнаню, он чувствовал, как сердце разрывается на части.

Если бы это был кто угодно другой, Цинь Юэжун не страдал бы так молча. Но это был именно Юй Чжаньнань, не только правитель всех трёх северо-восточных провинций, но и человек, которого он с детства считал своим старшим братом и кумиром.

[Примечание переводчика: «Три северо-восточные провинции» — историческое название региона, включающего Хэйлунцзян, Гири и Ляонин. «Красные чернила» — название театра.]

<http://bllate.org/book/16353/1478183>